

ПОРА ВОЗВРАЩАТЬ САДЫ ДЕТЯМ

Михаил АНТОНЦЕВ,
председатель комиссии
по социальной политике
и трудовым отношениям
Мосгордумы

Город – хочет он этого или нет – просто обречен на то, чтобы развернуть самую активную борьбу за возвращение себе детских садов, которые когда-то были фактически переданы различным ведомствам и компаниям. Немало из нынешних владельцев используют эти учреждения совсем не по назначению.

Обусловлена такая необходимость одной из самых серьезных проблем города: мест в детских садах просто не хватает. При том, что по закону в детский сад обязаны брать всех малышей с 5 лет

по фактическому месту проживания.

Спрос на места в детских садах у нас не только не уменьшается, но и растет. В нынешнем году поставлен своеобразный рекорд – очередь в них увеличилась до 40 тысяч! Такого числа детей, претендующих на места в дошкольных учреждениях, у нас за последние годы не было. И это при том, что с нынешнего года запись в дошкольные учреждения ведется через специальные комиссии в районах и округах, а не в самих детских садах, на злоупотребления в которых жаловались

многие родители. Больше того, проблема грозит серьезно обостриться. Уже через три-четыре года в детских садах не будет хватать места как минимум для 70 тысяч столичных малышей, заявила руководитель Департамента экономической политики и развития столицы Марина Оглоблина на одном из недавних заседаний правительства Москвы.

Наверное, не самая худшая альтернатива – домашнее воспитание. К сожалению, у подавляющего большинства родителей такой возможности просто нет. И кто, как не город, поможет определить малышам в дошкольные учреждения!

Правительство Москвы многое делает для помощи маленьким москвичам. По инициативе мэра Ю.Лужкова принята программа строительства новых детских садов. В это строительство уже вложены солидные средства. В про-

шлом году в Москве было построено 96 дошкольных учреждений почти на 15 тысяч мест. Однако новых претендентов на эти места оказалось значительно больше. В нынешнем году Москва построила еще 95 детских садов. Мы ожидаем, что с 1 сентября появятся 8 новых дошкольных учреждений. Будут, кроме того, отремонтированы 227 зданий действующих детсадов. Но и этого окажется существенно меньше, чем требуется для юных москвичей.

Другими словами, несмотря на активное строительство, дефицит мест в детских садах не только сохраняется, но и растет. И саму проблему вряд ли удастся решить только возведением новых детских садов. Вот почему приходится добиваться возвращения детям уже существующих зданий бывших детских садов, которые сейчас находятся на ба-

лансе государственных и частных учреждений различного уровня. Речь идет как о зданиях, переданных в долгосрочную аренду, так и о проданных этим структурам – например, Росатому, ОАО «Российские железные дороги», различным ФГУПам. Особенно много этих зданий оказалось в ведении банков. Всего же по городу около тысячи таких объектов – это сотни, если не тысячи, дополнительных мест для юных москвичей.

Проблема в том, что использовать эти места по их прямому назначению пока совсем не реально. Во-первых, подавляющее большинство этих зданий находится в федеральной собственности. Если, скажем, в прошлом году мы возвращали детские сады в основном из городских ведомств (всего 46 объектов), то в нынешнем году пока не вернули ни одного. В целом с 2001 по 2005 год столице удалось вернуть себе лишь 25 детских садов из федеральной собственности.

И хуже всего то, что многие объекты уже просто невозможно вернуть – например, если по передаче здания в собственность по сделке прошло более трех лет.

Правительство Москвы готово идти на более чем серьезный компромисс – выкупать все эти здания. Но во многих случаях не исключены долгие судебные разбирательства. В других же цена вопроса – до 100 миллионов рублей за каждое учреждение. Уже сейчас городу для этих целей не хватает 6-7 миллиардов рублей! Однако нынешние владельцы этой собственности редко соглашаются возвращать детские учреждения даже и за такие деньги. И пора бы, наверное, взяться за решение этого вопроса федеральным законодателям. В преддверии очередных выборов в Госдуму РФ это, надо думать, был бы совсем не популистский (как многие другие), а самый что ни на есть популярный федеральный законопроект.

Недавнее заседание Совета по делам инвалидов при председателе СФ было посвящено вопросам социальной защиты и адаптации детей-инвалидов. Однако обсуждение вышло далеко за рамки этой темы: парламентарии волнуют проблемы всех инвалидов в нашей стране. Для этого есть все основания. Ситуация с инвалидами, их социальной адаптацией у нас не просто критическая, а изо дня в день ухудшается.

Во многом ответственность лежит на государстве. Казалось бы, жизнь людей с ограниченными возможностями (а это отнюдь не мизерная часть общества) требует постоянной и действенной заботы. И у государства немало способов использовать интеллектуальный да и физический потенциал таких граждан. К сожалению, государство от этого фактически самоустранилось.

В нашей стране инвалиды не чувствуют себя равноправными членами общества. Почему? В первую очередь потому, что власть даже в крупнейших, социально-экономически развитых мегаполисах не «замечает» самых простых проблем. Начать хотя бы с того, что в жилых домах до сих пор (XXI век!) нет простейших пандусов. Нет специальных подъемников в общественном транспорте. В общественных местах только начинают появляться специальные комнаты для такой категории людей. А уж о том, что для них необходи-

...А ХРОМАЕТ-ТО САМО ОБЩЕСТВО!

Валентина ПЕТРЕНКО,
заместитель председателя Совета
Федерации, председатель комитета
по социальной политике

мо создавать специальные предприятия, центры адаптации и реабилитации, – вообще нет разговоров. Да, многие, в том числе и политики, об этой проблеме твердят годами, воз, как говорится, и ныне там.

В России зарегистрировано почти 12 миллионов граждан с ограниченными возможностями. Для них необходимо создавать реабилитационные центры, рабочие места. Когда-то страна активно этим занималась. Подобные структуры, где инвалиды по зрению или по слуху производят те или иные изделия, существуют и сейчас. Однако их крайне мало, да и те на грани выживания. Дешевый импортный ширпотреб просто вытесняет с рынка их хорошую, качественную продукцию, но реакции на это со стороны государства люди не видят.

Как не видят пока и сколько-нибудь

адекватных мер, которые бы обеспечили реальное соблюдение конституционных прав наших инвалидов – таких же, как для людей здоровых.

Хуже всего то, что существующая законодательная база по этому вопросу у нас де-факто не действует. При такой ситуации чувствовать себя нужными и востребованными в обществе, в чем особенно нуждаются наши инвалиды, конечно, невозможно.

Особенно остро сказывается недостаток внимания государства к соблюдению прав детей-инвалидов. На заседании Совета по делам инвалидов многие были возмущены выступлением представителя Минобрнауки и науки РФ, из которого стало ясно, что в ближайшее время в общеобразовательный школьный процесс эти дети включены не будут.

Основной упор в государственной политике делается на специализированные интернаты, а не на поддержку семей. Остро стоит проблема трудоустройства родителей больных детей: они испытывают чрезмерные нагрузки, сочетая работу и уход за детьми. Можно ли выдерживать такие нагрузки, не получая фактически никакой социальной поддержки?

Впрочем, ответственность за все это должно принять на себя не только государство – все общество. Взять тех же детей. По официальным данным, из них в России 575 тысяч инвалидов. Однако на самом деле – примерно в три раза больше. Разница объясняется тем, что статистика учитывает только тех детей, которые получают социальную помощь. Но ведь многие родители не спешат оформлять соответствующие документы, избегают признавать сам факт инвалидности своих детей, поскольку общество к ним относится, мягко говоря, недружелюбно.

Так, самыми решительными противниками совместного обучения здоровых детей и детей-инвалидов являются не учителя, не сами дети, а родители здоровых детей. Они воспринимают сверстников-инвалидов чуть ли не как инфекционно больных. Или другой

факт. Медицинские работники подчас уговаривают родителей больного ребенка оставить его в специализированном учреждении. Но какой родитель пойдет на это, зная, что его ребенок попадет в условия специализированного заведения, где на 600-700 больных приходится всего один врач!

Безусловно, это и есть главная задача – изменить отношение общества к инвалидам, перестать относиться к ним как людям неполноценным. И начать перемены необходимо с малого. Хотя бы с того, что здоровые люди перестанут называть их ущемленным термином «инвалид». «Ведь это просто люди с ограниченными физическими возможностями. Но даже так их называть не совсем верно, потому что возможности-то у всех в принципе одинаковые. А слово «инвалид» пусть остается в медицинской карте при присвоении группы инвалидности.

Не так давно удалось на 40 процентов увеличить социальную составляющую бюджета. Это значит, жизнь отдельных категорий людей с физическими недостатками станет быстрее меняться к лучшему. И все же для них куда важнее преодоление общественной безразличности и неприязни. А это зависит уже от каждого из нас.

ОТВЕТ ЗАРЫТ НА ДНЕ

Леопольд ЛОБКОВСКИЙ,
заместитель директора
Института океанологии РАН

В последнее время резко вырос интерес к Арктике. Под океанским дном там находится до четверти общемировых запасов нефти и природного газа – не говоря уже о гигантских месторождениях олова, марганца, золота, платины, свинца... На эти богатства претендуют сразу несколько стран. Кроме России это Дания, Норвегия, Канада, Исландия, Швеция, Финляндия. И, разумеется, США. Без них нигде не обходится.

Однако здесь надо внести ясность, чтобы понять, на что опирается в данном случае международное право.

Есть 12-мильная зона – территориальные воды, куда нельзя заходить зарубежным судам. В соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву есть более широкое пространство – так называемая 200-мильная экономическая зона государства. Она охватывает в сторону океана ровно 200 миль от ближайшего берега, независимо от того, остров это или континентальная суша.

Хотя американцы до сих пор и не ратифицировали упомянутую конвенцию, в Северном Ледовитом океане 200-мильная экономическая зона тоже существует. Но кроме нее есть так называемая внешняя граница шельфа. По-другому ее именуют эксклюзивной экономической зоной страны. Она связана не с формальной 200-мильной полосой, а с тем, что шельф и континентальный склон, который находится уже под водой, являются как бы продолжением суши. Это скорее геологическое понятие. Представьте, что вы идете по пляжу, заходите в воду, постепенно углубляетесь. Фактически, если бы океан обмелел, там была бы суша. То есть мелководье, по сути, является продолжением суши.

Иногда, как на Северном Ледовитом океане, продолжение континентального шельфа в виде нескольких хребтов уходит намного дальше 200-мильной экономзоны. То есть суша как бы протягивается далеко в область океана. Из-за этого, собственно, и возникают дискус-

сии. Чаще всего на слуху хребт Ломоносова. Это подводное образование распространяется от моря Лаптевых вплоть до Северного полюса, огибает его и продолжается вплоть до Гренландии. То есть хребт проходит фактически через весь Ледовитый океан. Спор идет о том, является ли хребт Ломоносова фрагментом континентальной коры либо это кора океаническая. В первом случае хребт с одной стороны как бы продолжает российскую сушу с юга на север, во втором – если посмотреть на полярную шапку сверху – является продолжением Гренландии и Дании вплоть до Северного полюса.

Если будет доказано, что хребт Ломоносова – продолжение континентальной коры за шельф в область океана, тогда к нему применимы все положения об эксклюзивной экономической зоне России или о так называемом продолжении внешнего шельфа в акваторию.

Есть некие теоретические предположения о том, что это фрагмент континентальной коры, который когда-то оторвался от Европы и теперь находится под водой. Но это не прямое доказательство. Для него требуются специальные работы по глубинному зондированию коры. Речь идет о том, чтобы сейсмическая и геофизическая разведка специальными мето-

дами провели исследование и выяснили, из чего, собственно, состоит хребт Ломоносова. Дело в том, что океаническая кора отличается от континентальной разрядом скоростных полей, плотностью и т.д.

Есть два основных метода таких исследований. Первый – геофизическое зондирование коры, другой – прямое бурение. Если при первом, дистанционном, способе довести все до логического конца, можно косвенно доказать, что глубинное строение хребта Ломоносова сходно со строением коры континента. Но самое верное доказательство дает прямое бурение – когда с глубины нескольких километров берется порода. Если они сходны с породами континентальной коры, ничего больше доказывать не придется.

Зачастую приходится слышать, что любые российские доказательства вряд ли будут приняты во внимание нашими конкурентами. Позволю себе с этим не согласиться. Не примут во внимание погружение на специальном глубоководном аппарате на океанское дно? Это еще ничего не значит. То, что российские ученые погрузились в центре Ледовитого океана, не является автоматическим подтверждением того, что в этой точке обнаружено продолжение континентального шельфа. Нужна целенаправленная работа, и она ведется, в том числе Россией, уже 20 лет, по установлению внешней границы континентального шельфа. То есть

по изучению строения и состава хребта Ломоносова.

Международное сотрудничество здесь просто необходимо, поскольку исследование океанского дна – удовольствие дорогостоящее. Мало сделать ледоколом льдину – нужно иметь ледокол с установкой, способной пробурить дно на большую глубину, хотя бы на 4-5 километров. Лишь привлеченные со дна породы способны дать ответ, континентальная там кора или океаническая.

Будут ли сотрудничать с нами те, в чьи интересы отнюдь не входит справедливый дележ арктического «пирога»? Вопрос спорный. Скажем, с той же Данией у нас противоречий нет: она точно так же заинтересована доказать, что хребт Ломоносова с ее стороны является продолжением структуры суши. У американцев, кстати, тоже есть «свой» хребт, свои шельфовые интересы в Чукотском море. Но нет большого опыта в их реализации. Да и Россия пока не готова самостоятельно бурить океанское дно. У нас нет ледокола с мощной буровой установкой. Его надо проектировать и строить. А это опять-таки стоит больших денег. Но такое бурильное судно есть у японцев, американцев, шведов.

В конце концов действует международная научная программа «Бурение», и рано или поздно она дойдет до прямого проникновения во все точки Мирового океана. Тогда все станет окончательно ясно, проблема будет решена.

А пока с насکوу ее не решить, журналисты делают несколько опережают события, связав два разных вопроса воедино.

Погружение на дно океана на Северном полюсе и последующее успешное всплытие – само по себе колоссальное достижение российских ученых и специалистов. Это говорит о том, что можно изучать дно дальше. Но к этому приплели проблему... приращения территории страны. Совершенно напрасно! Это лишь вызвало всевозможные кривотолки и негативную реакцию на Западе.

Но еще более нелепы утверждения британских СМИ, будто Арктика становится ареной новой «холодной войны». Это полная чушь и нагнетание страстей! Просто начинается детальное изучение Арктики. Путь долгий и дорогостоящий. Требуемый миллиардов долларов. Думаю, окончательная делимитация Арктики завершится не раньше середины XXI века. Потихоньку, шаг за шагом, будут изучать океанское дно. Без всякой «холодной войны».

Если бы не толща льдов, все можно было бы сделать в течение нескольких лет. Но Арктика – особая, очень сложная зона. В ней надо не бороться, а сотрудничать. Спокойно, без политических подоплек. Принцип «кто успел, тот и съел» при дележе экономических ресурсов сегодня не работает. Тем более когда методология этого дележа в комиссии ООН по шельфам хорошо известна.